ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / THEORY OF ECONOMICS

УДК 330.111.4:330.8:330.342.15

JEL: P23, P26

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.197-214>

Р. М. НУРЕЕВ^{1,2},

П. А. ОРЕХОВСКИЙ²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ (ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА: КОГНИТИВНЫЙ ТУПИК 1970-х)

Контактное лицо:

Нуреев Рустем Махмутович, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ; главный научный сотрудник, Институт экономики РАН
Адрес: 125993, Москва, Ленинградский просп., 49, тел.: +7 (499) 943-94-50
E-mail: nureev50@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1407-2657>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9648-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 9366-0174, Author ID: 157455

Scopus Author ID: 35759212500

Ореховский Петр Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором философии и методологии экономической науки, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН

Адрес: 117218, Москва, Нахимовский просп., 32, тел.: +7 (499) 724-15-41

E-mail: orekhovskypa@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8489-2102, Author ID: 72288

Scopus Author ID: 57195243856

Цель: проверка гипотезы о существовании когнитивного тупика в политэкономии социализма в СССР в 1970-е гг., повлекшего за собой застой в политико-экономических исследованиях.

Методы: дискурсивный анализ, диалектика, герменевтика, качественные методы.

Результаты: раскрыто содержание и роль категорий «опредмечивание», «овеществление», «зависимость», «свобода» в политической экономии социализма. Проанализированы взгляды советских теоретиков на экономические оценки факторов производства, включая рабочую силу (зарплату), основные фонды (амортизацию), землю (ренту), продемонстрированы противоречия и «слепые пятна» политэкономии социализма. В частности, охарактеризовано парадоксальное «выпадение» проблемы износа жилого фонда и внутриквартальных инженерных сетей из обсуждения износа основных средств, как и темы производительных сил в целом.

В ретроспективе выявлено преимущественное влияние ограничений когнитивной структуры по сравнению с идеологическим контролем. Развитие экономической науки в СССР сдерживалось нормами речевых практик,

которые накладывали ограничения на обсуждение принципиальных проблем, включая «отчуждение» и «свободу». По сравнению с этими ограничениями внешний партийный идеологический контроль был сравнительно слабым, что, в частности, доказывается фактом публикации работ Э. В. Ильенкова, В. П. Шкредова и других исследователей. Когнитивная структура политэкономии социализма вызвала появление слепых пятен, когда большая часть важнейших проблем, связанных с производительными силами, публично не обсуждалась. При этом во многом не дискутировались и те проблемы (свобода, зависимость, отчуждение), которые были непосредственно связаны с наследием К. Маркса. **Научная новизна:** продемонстрировано влияние когнитивной структуры и ее ограничений на развитие политэкономии социализма.

Практическая значимость: ретроспективный анализ позволяет как глубже понять причины, которые привели к экономическому краху СССР, так и увидеть возможные когнитивные ограничения современных исследований, которые во многом унаследовали подходы советских ученых.

Ключевые слова: экономическая теория; производительные силы; социализм; дискурсивный анализ; предмет труда; овеществление; зависимость; свободная индивидуальность; зарплата; амортизация; жилой фонд; рента

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Нуреев Р. М., Ореховский П. А. Дискуссия вокруг производительных сил (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х) // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 197–214. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.197-214>

The scientific article

R. M. NUREEV^{1,2},

P. A. OREKHOVSKY²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DISCUSSION AROUND PRODUCTIVE FORCES (POLITICAL ECONOMY OF SOCIALISM: COGNITIVE DEADLOCK OF THE 1970-s)

Contact:

Rustem M. Nureev, Doctor of Economics, Professor, Scientific Director of the Department of Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Address: 125993, Moscow, Leningradsky prospect, 49, tel.: +7 (499) 943-94-50

E-mail: nureev50@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1407-2657>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9648-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 9366-0174, Author ID: 157455

Scopus Author ID: 35759212500

Petr A. Orekhovsky, Doctor of Economics, Professor, Head Sector of the Philosophy and methodology of economic science, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Address: 117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32, tel.: +7 (499) 724-15-41

E-mail: orekhovskypa@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2816-1298>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8489-2102, Author ID: 72288

Scopus Author ID: 57195243856

Objective: to check the hypothesis of the existence of a cognitive deadlock in the socialist political economy in the USSR in the 1970s, which led to stagnation in political and economic research.

Methods: discursive analysis, dialectics, hermeneutics, qualitative methods.

Results: the content and role of the categories “objectification”, “reification”, “dependence”, “freedom” in the political economy of socialism are revealed. The author analyzes the views of Soviet theorists on the economic evaluation of factors of production, including labor (wages), fixed assets (depreciation), land (rent), and demonstrates the contradictions and “blind spots” of the socialist political economy. In particular, the article describes the paradoxical “fallout” of the problem of depreciation of housing stock and intra-block engineering networks from the discussion of fixed assets depreciation, as well as the issue of productive forces in general.

In retrospect, the analysis revealed the predominant influence of the cognitive structure limitations compared to the ideological control. The development of economic science in the USSR was constrained by the norms of speech practices, which imposed restrictions on the discussion of fundamental problems, including “alienation” and “freedom”. Compared to these restrictions, the external ideological control of the Communist party was relatively weak, which, in particular, is proved by the publication of works by E. V. Ilyenkov, V. P. Shkredov and other researchers. The cognitive structure of the socialist political economy caused blind spots, when most of the important problems related to the productive forces were not publicly discussed. At the same time, the issues (freedom, dependence, alienation) directly related to Karl Marx legacy were also largely not discussed.

Scientific novelty: the influence of the cognitive structure and its limitations on the development of the socialist political economy is demonstrated.

Practical significance: a retrospective analysis allows both a deeper understanding of the reasons that led to the economic collapse of the USSR, and seeing the possible cognitive limitations of modern research, which largely inherited the approaches of Soviet scholars.

Keywords: Economic theory; Productive forces; Socialism; Discourse analysis; Object of labor; Reification; Dependence; Free individuality; Wages; Depreciation; Housing stock; Rent

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Nureev R. M., Orekhovsky P. A. Discussion around productive forces (Political economy of socialism: cognitive deadlock of the 1970-s) // *Actual Problems of Economics and Law*, 2021, Vol. 15, No. 2, pp. 197–214 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.197-214>

Вводные замечания. Современный мейнстрим и марксистская традиция

Постановка проблемы

Основным инструментом анализа в настоящей работе является дискурсивный анализ. Последний подробно охарактеризован, в частности, в работах Д. Макклоски и А. Кламера [1, 2]. В последнее время этот подход применяется российскими исследователями все чаще. Другой важный элемент данного исследования – когнитивные циклы. Чередование фаз когнитивного сдвига, нормализации и застоя, характерное для развития наук об экономике и обществе, было описано в наших работах ранее [3, 4]. Гипотеза, которая рассматривается нами на примере дискуссии вокруг производительных сил, состоит в том, что

в политэкономии социализма, претендовавшей на ключевую роль в строительстве коммунизма в СССР, в 1970-е гг. возник когнитивный тупик (застой). Этот тупик она так и не смогла преодолеть, что во многом способствовало крушению не только самой дисциплины, но и советской экономики в целом.

Производительные силы – одно из центральных понятий не только марксистской политической экономики, но и всего марксизма. Закон соответствия производительных отношений характеру и уровню развития производительных сил – принципиальное положение для этого направления мысли. На нем основываются представления о существовании как способов производства, так и общественно-экономических формаций (ниже мы остановимся на различии между ними). Материалистическое понимание истории также осно-

ываается на убежденности в истинности указанного закона. Любимая марксистами диалектика позволяет обсуждать взаимодействие формы (производственных отношений) и содержания (производительных сил).

Немарксистская экономическая мысль, напротив, практически не использует этого понятия. Более того, технические (и технологические) особенности функционирования рыночных акторов рассматриваются в мейнстриме экономической теории разве что косвенно. Так, технология производства отчасти проявляет себя в рыночных структурах – конкуренции, олигополии, естественной монополии. Кроме того, потребительские свойства отдельных товаров и услуг влияют на возможность и/или невозможность хранения запасов, а также на способы их доставки потребителю. Но в целом такая специфика спроса и предложения изучается ныне в рамках конкретных экономических дисциплин, таких как маркетинг и логистика.

Важное различие между способами обсуждения факторов техники и технологии можно пояснить на примере экономических циклов. Марксизм связывает типологию циклов со сроками обновления физического капитала. Циклические изменения величины запасов сырья, материалов, товаров – 3,5 года (цикл Китчина), цикл обновления оборудования (активной части капитала) – 7–11 лет (цикл Жуглара), цикл обновления жилищ (цикл Кузнецова) – 30 лет, наконец, цикл обновления технологий, длинная волна (цикл Кондратьева) – 55–60 лет позволяют говорить о чередовании бумов, кризисов и спадов. Напротив, современная теория циклов Кидланда – Прескотта, основанная на экзогенных шоках производительности, никак не привязана к этим срокам. Спад и последующий подъем могут быть связаны со стихийными бедствиями, войнами, избирательными кампаниями и т. д. Результаты шоков приводят к сдвигам кривой предложения и ее наклона, что и генерирует впоследствии циклические изменения конъюнктуры. В каких-то случаях это может сопровождаться резким сжатием объема инвестиций (в физический капитал), в каких-то – нет. Но, учитывая то обстоятельство, что вся промышленность вместе с сельским хозяйством во многих богатых странах занимают меньше 25 % ВВП, сроки обновления физического капитала (в отличие от крупных техногенных аварий и/или, наоборот, технологических прорывов) не играют существенной роли в изменениях конъюнктуры.

Марксистская традиция использования дискурса «производительных сил» во многом отталкивается от анализа К. Маркса, представленного в 4-м отделе 1-го тома «Капитала». В главах 11-й «Кооперация», 12-й «Разделение труда и мануфактура», 13-й «Машины и крупная промышленность» социологический и экономический анализ неразрывно связан с техническими деталями снабжения, производства (включая сюда, например, описание технологий легкой промышленности), сбыта. Поэтому естественно, что для советской политической экономии производительные силы были частью ее предмета исследования – отношения людей в процессе «общественного производства» невозможно понять без знания важнейших технических особенностей этого производства. И в этом отношении марксистский дискурс анализа «развития производительных сил» выглядит намного более реалистичным, чем неоклассический дискурс «структуры рынков».

Тем не менее так было не всегда. Как показывает Э. Райнерт, меркантилистские памфлеты были посвящены как раз роли техники и конкурентоспособности разных технологий (отраслей). То же самое можно сказать, впрочем, и о классическом труде А. Смита (достаточно напомнить его пример с мануфактурой булавок). Кроме того, делал акцент на реалистической стороне дела и основатель немецкой исторической школы Ф. Лист. Любопытно отметить, что и эта традиция, в свое время подхваченная старым американским институционализмом, была также практически полностью маргинализована и вытеснена из современного «мейнстримного» институционализма, где теперь доминируют теории контрактов, прав собственности, трансакционных издержек.

Райнерт в своей работе пишет о мальтузианских и шумпетерианских видах деятельности [5]. В принципе, этого достаточно, чтобы привлечь внимание к возрождающемуся в XXI в. неомеркантилизму и его реалистическому подходу. Но отечественная традиция в этом отношении гораздо богаче. Еще в 1920-е гг. Н. Баранский и Н. Колосовский, решая проблемы нового административно-территориального деления в СССР, пытались реализовать идею районных «комбинатов». Позднее Колосовский развивал свою теорию пяти типов промышленных комплексов, которая основывалась на комбинировании восьми генерализованных энергопроизводственных

циклов, по сути, охватывающих всю промышленность 1940–1950-х гг. [6]. В 1980-е гг. С. Глазьев разработал свою теорию технологических укладов [7], которая в основном опиралась на кондратьевские циклы, но, по крайней мере, отчасти – по подходу к выделению «ядра технологического уклада» – перекликалась с идеями Колосовского. Понятие технологических укладов ныне прочно вошло в риторiku отечественных экономистов и политиков.

Основная проблема, которая подспудно присутствовала в дискуссиях о производительных силах, в ретроспективе выглядит просто: если на данном, конкретном историческом этапе эти силы примерно одинаковы для капитализма и социализма, то насколько обосновано утверждение, что социализм (коммунизм) – принципиально иное общественное устройство? Материалистическое понимание истории предполагало, что освобожденные от оков частной собственности производительные силы советского общества должны были развиваться быстрыми темпами, так что производительность труда должна была в разы превышать аналогичные показатели при капитализме. Но этого не происходило. Впрочем, в послевоенные годы выяснилось, что само понимание Маркса заметно отличалось от представлений марксистов, сформировавшихся под влиянием «Краткого курса ВКП(б)».

Далее в первых двух разделах представлен краткий очерк наследия К. Маркса в понимании категорий «производительные силы», «опредмечивание» и «овеществление», а также его взгляды на зависимость и свободу. В последующих четырех разделах приводится характеристика практической интерпретации теории марксизма к экономическим оценкам производительных сил: рабочей силе (зарплата), основным фондам (амортизация), жилому фонду, земле (рента).

1. Возмутитель спокойствия советских обществоведов – Карл Маркс

Современникам Маркс был известен лишь по тем работам, которые публиковались весьма ограниченным тиражом в рабочей печати. Влияние учения Маркса на современников было довольно скромным. Более трех четвертей работ Маркса не были опубликованы при его жизни. Но и то, что было опубликовано, было издано в разных странах и на разных языках. Так, как уже приходилось писать одному из авторов

настоящей работы, «публикации в *New York Tribune* были посвящены текущим событиям, полемические работы вроде „Святого семейства“ (1845) или „Нищеты философии“ (1847), известны лишь узкому кругу друзей. „К критике политической экономии“ (1859) и „Капитал“ (1867) в ту пору были еще не поняты современниками и игнорировались официальной академической наукой. Второй и третий тома „Капитала“ были изданы Фридрихом Энгельсом уже после смерти Маркса (в 1885 и в 1894 гг.), четвертый том – Карлом Каутским в 1905–1910 гг.» [8, с. 198]. В отличие от Ф. Энгельса, который переписывался с К. Марксом всю жизнь, К. Каутский не смог правильно разобрать рукопись основоположника марксизма, и издание вышло с многочисленными ошибками. Лишь после его вторичной публикации в 1954–1961 гг. Институтом Маркса – Энгельса – Ленина оно вошло в серьезный научный оборот.

В конце 1960-х начинается новый этап в осмыслении зрелого марксизма. Именно в эти годы публикуются на русском языке основные материалы, подготовившие публикацию первого тома «Капитала», – «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» (в 1968–1969 гг.) и «Экономическая рукопись 1861–1863 гг.» (тетради I–V, XV–XXIII) (в 1973–1980 гг.). Лишь после их публикации приоткрылась творческая лаборатория К. Маркса и стало возможным системное изучение его трудов [9–13]. Заметные шаги в этом направлении были сделаны лишь в эпоху «развитого социализма» в 1970–1980 гг. [14–20; 21, с. 320–538].

2. Производительные силы как система.

Предмет труда. Опредмечивание и овеществление. Зависимость и свобода

Существенный вклад в углубление понимания понятия «производительные силы» внес профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ Виктор Никитич Черковец (1924–2018)¹.

¹ После восьми лет службы в Красной армии и демобилизации в 1949 г. В. Н. Черковец поступил на экономический факультет МГУ, который окончил в 1954 г. С этого времени вся его жизнь была связана с Московским университетом. В 1958 г. В. Н. Черковец защитил кандидатскую диссертацию на тему «Предмет марксистско-ленинской политической экономии» [22], а в 1965 г. – докторскую «Категория плановмерности

Внимательное изучение работ К. Маркса позволило В. Н. Черковцу сделать заметный шаг вперед в понимании категории «производительные силы».

В 1930-е гг. структуру производительных сил сводили лишь к двум элементам: «*Орудия производства*, при помощи которых производятся материальные блага, *люди*, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ *благодаря* известному *производственному опыту и навыкам к труду*», – писал И. Сталин, – все эти элементы вместе составляют *производительные силы общества*» [29, с. 589].

Как нам уже приходилось указывать, «в конце 50-х – начале 60-х гг. эта точка зрения была подвергнута критике и почти исчезла из работ экономистов [30, с. 24–39; 31, с. 28–29; 32; 25; 33, с. 7–8; 34, с. 17–21]. Однако в философской литературе она сохранялась гораздо дольше. Более того, даже в 1980-е гг. постоянно появлялись выступления в ее защиту [35, с. 90–91; 36, с. 54–55; 37, с. 95–96; 38, с. 280–282; 39, с. 101–102]. Приводились следующие основные аргументы в пользу указанной позиции:

1. Предмет труда является пассивным элементом процесса труда, поэтому он не относится к «производительным органам общественного человека». Только средства труда характеризуют степень овладения обществом законами природы.

2. Производительные силы выражают отношение общества к природе, а предмет труда находится на стороне природы. К производительным силам не может относиться такой элемент, на который направлен труд человека.

В свою очередь, К. Маркс выделяет два этапа взаимодействия человека и природы:

1) период непосредственного (не опосредованного человеческим трудом) единства человека с условиями его деятельного существования, когда доминировали «естественно возникшие» орудия труда, когда суще-

ствовало «природное единство труда с его вещными предпосылками» [40, с. 461];

2) период опосредованного трудом (а не естественно сложившейся общностью) взаимодействия человека и природы, когда предметы и средства труда получены трудящимися индивидами не непосредственно от природы, а в результате обмена деятельностью с другими людьми, когда средства производства являются «орудиями производства, созданными цивилизацией» [41, с. 46]» [42, с. 66–67].

Ретроспективно весь этот длительный и объемный спор (здесь упомянута лишь малая часть огромного потока публикаций) политэкономов и философов представляется как минимум странным. Практика социалистического хозяйствования всегда включала «предметы труда» (природное сырье, основные материалы, полуфабрикаты (собственного изготовления или покупные)) в категорию *оборотных средств*. Тем самым они автоматически оказывались в составе «производительных сил». Дискуссия вокруг наследия Маркса с этой позиции выглядит не только схоластической, но какой-то эзотерической: кто из марксистов точнее воспроизведет «сакральное знание».

Однако можно предложить правдоподобную гипотезу, что за этой скучной схоластикой стояла совсем другая тема – роли *фетишизма* при социализме. Выведение предметов труда за рамки производительных сил, внешне противоречащее сложившейся практике и здравому смыслу, преследовало целью избавиться, «очистить» производительные силы и производственные отношения от их доминирования над работником, от «овеществления труда». Это, в свою очередь, ведет к теме *зависимости и свободы человека* при социализме. А в таком случае «схоластика» приобретает совершенно другое значение.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркс выделяет три основные формы производственных отношений, а именно: 1) личная зависимость, 2) вещная зависимость, 3) свободная индивидуальность. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) – таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, – такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ,

и вопросы системы политической экономии социализма» [23, 24]. Идеи кандидатской и докторской диссертаций были широко использованы при подготовке уже первого издания Курса политической экономии. Важным направлением его дальнейшей работы стало исследование темпов, пропорций и эффективности развития общественного производства [25–27]. В 1987–1997 гг. под редакцией В. Н. Черковца выходит «Всемирная история экономической мысли» [28].

универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, – такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, денег, меновой стоимости, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних» [40, с. 100–101].

Поскольку К. Маркс изучал капиталистический способ производства, для него наибольший интерес представляли отношения вещной зависимости. Им он уделяет наибольшее внимание. Он характеризует их и как форму производственных отношений, и как самостоятельную ступень в их развитии («личная независимость, основанная на вещной зависимости»).

Важно, что при этом Маркс последовательно различает понятия «опредмечивание» и «овеществление» человеческой деятельности. Понятие «опредмечивание» выступает как более универсальное понятие. Оно используется для характеристики процесса труда. «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности» [43, с. 200]. К сожалению, в отечественной литературе нередко встречалось смешение этих понятий. «...Систематическое смешение в имеющихся русских переводах “опредмечивания” с “овеществлением”, – писал Г. С. Батищев, – препятствует пониманию его смысла и значения» [44, с. 99]. Трудовая деятельность человека предметна: человек в процессе труда и «распредмечивает» (познает) природу, и «опредмечивает» себя, материализуя поставленные перед собой цели. Поэтому «всякое производство есть некоторое опредмечивание индивида» [45, с. 171]. «...Все развитие современных средств труда правомерно рассматривать как опредмечивание, материализацию уровня развития совокупной рабочей силы» [40, с. 108].

«Вся история человеческого общества есть история предметной деятельности, но лишь на определенной ступени развития человечества (а именно в условиях господства товарного хозяйства) производственные отношения фетишизируются, мистифицируются, овеществляются.

Другими словами, *опредмечивание* – это материализация целесообразной деятельности человека (человечества) в процессе труда, в процессе, совершающемся между человеком и природой. *Овеществление* – это процесс превращения предметов в вещи, господствующие над людьми, это процесс, в котором проявляется господство продуктов труда как над отдельными товаропроизводителями, так и над обществом товаропроизводителей в целом. Опредмечивание и овеществление лежат в разных плоскостях, отражают разные стороны процесса производства. Опредмечивание – проявление деятельной сущности человека, это всеобщее свойство человеческой деятельности, присущее производительной силе труда, процессу труда как таковому на любой ступени его развития. Овеществление – характеристика *социальной стороны* процесса производства и притом на вполне *определенной ступени развития*, а именно в условиях товарного хозяйства, это характеристика специфической формы товарных производственных отношений» [42, с. 98–99].

Здесь и скрывалась специфическая марксистская проблема: если при социализме сохраняются товарно-денежные отношения, значит, присутствует и овеществление, и предметы начинают господствовать над людьми. «Конкретными объективными формами проявления отношений; вещной зависимости являются овеществление лиц и персонификация вещей. *Овеществление лиц* заключается в том, что товар (вещь) выступает как форма взаимосвязи обособленных в рамках общественного разделения труда товаропроизводителей, отношения между которыми носят не личный, а вещный характер. *Персонификация вещей* означает, что вещи в условиях товарного хозяйства превращаются как бы в самостоятельных субъектов отношений, определяют положение человека в обществе» [42, с. 101]. Исключение предметов труда из состава производительных сил представляло собой наивную попытку уйти от проблемы товарного фетишизма при социализме². Естественно, это была попытка с негодными средствами, но тем самым она

² Дополнением к этой попытке были многочисленные идеологические речевые практики, осуждавшие «вещизм» и «потребительство». Одновременно с этим советское руководство постоянно заявляло о необходимости повышения уровня жизни граждан СССР. Эта двойственность оставляет даже сейчас странное, противоречивое впечатление.

позволяла избегать обсуждения отношений *зависимости и свободы*.

Наряду с отношениями личной и вещной зависимости К. Маркс назвал *отношения свободной индивидуальности* в качестве формы производственных отношений, в качестве ступени, соответствующей коммунистической формации. Отношения свободной индивидуальности знаменуют этап, отрицающий и отношения личной зависимости, и отношения вещной зависимости, выступающий как отрицание отрицания. Вместе со становлением универсальных отношений и всесторонних потребностей развивается всесторонний процесс овеществления производственных отношений, происходит полное отчуждение сущностных сил от него самого, превращение их в чуждую, господствующую над ним силу. Отношения *свободной индивидуальности* знаменуют этап, для которого характерно все возрастающее господство как над силами природы, так и над общественными силами, вышедшими из-под власти общества и действующими наиболее разрушительно в период капиталистических кризисов перепроизводства.

Отношения *свободной индивидуальности*, как полагали диалектически мыслящие марксисты, являются внешним проявлением отношений *коллективности* – основы будущего коммунистического способа производства. И диалектика процесса такова, что это освобождение каждого отдельного члена, это развитие свободной индивидуальности возможно лишь в коллективе и посредством него, лишь в рамках ассоциации, охватывающей все общество. «Только в коллективе существуют для каждого индивида средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности в государстве и т. д. личная свобода существовала только для индивидов, развившихся в рамках господствующего класса, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. В условиях

действительной коллективности индивиды в своей ассоциации и посредством нее обретают вместе с тем и свободу» [41, с. 61].

Такой поворот – свободная индивидуальность в рамках коллективности – *должен был* вызывать сомнения, однако это не обсуждалось. Конечно, «свобода в коллективе» – понятие диалектическое, она достигается в коммунистическом обществе и т. д., и т. п. Однако для социализма можно было построить совсем другую логическую цепочку – существование товарно-денежных отношений предполагает овеществление, овеществление легко увязывается с отчуждением³ (в том числе и от процесса производства), а наличие отчуждения приводит к противоречиям в отношениях между личностью и коллективом. Все это означало, что политэкономы, обсуждая «Экономические рукописи» Маркса, вступали на очень зыбкую почву. Гораздо проще было замалчивать эти проблемы и обсуждать состав производительных сил. В свою очередь, последние в ходе своего развития принимали следующие три формы: естественную, общественную и всеобщую. Обобщая Маркса, можно сказать, что:

«Естественные производительные силы сводятся к двум факторам:

1) субъективному, т. е. природе самого человека, его расе, форме естественно возникшей общности (*Gemeinwesen*);

2) объективному, т. е. естественному богатству средствами жизни (плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. д.) и труда (водопады, судоходные реки, металлы, лес, уголь и т. д.) [43, с. 521]. В процессе развития первобытно-общинного строя происходит смена присваивающего хозяйства производящим (неолитическая революция), подготовившая становление общественных производительных сил и антагонистических формаций.

Становление *общественных производительных сил* в докапиталистическую эпоху связано с уменьшением зависимости хозяйства непосредственных производителей от сил природы, с развитием орудий труда, отделением

³ Именно такой логики придерживался известный советский философ-марксист Э. В. Ильенков, настаивая на сохранении отчуждения при социализме: «Отрицать наличие “отчуждения” в странах, установивших общегосударственную, общенародную, социалистическую форму собственности на средства производства, – значит попросту снижать общетеоретические критерии коммунистического преобразования» [46, с. 151].

ремесла от земледелия, города от деревни, сокращением сферы внеэкономического принуждения, повышением заинтересованности трудящихся в результатах труда. Однако окончательное подчинение естественных производительных сил общественным происходит лишь в ходе промышленной революции. Кооперация, мануфактура и фабрика являются прогрессивными ступенями развития общественных производительных сил.

Наконец, в ходе научно-технической революции наука превращается в непосредственную производительную силу, *всеобщие производительные силы* становятся ведущим элементом системы производительных сил» [42, с. 75–76].

В «Капитале» К. Маркс проводит различие между всеобщим и совместным трудом. «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [47, с. 116]. В условиях научно-технической революции все большее значение для развития производства приобретает всеобщий труд.

Эта стройная схема, однако, так и не прижилась в советских учебниках политэкономии. Тезис о «всеобщем труде» и «всеобщих производительных силах», оторванный от свободной индивидуальности, выглядит пустым лозунгом. А для личностей, занимавшихся научным трудом в СССР часто без соответствующего признания и вознаграждения, «всеобщий труд» представлялся еще и весьма раздражающей демагогией.

3. Экономические оценки факторов при социализме. Зарплата

В составе производительных сил принято выделять средства производства и рабочую силу. При капитализме средства производства становятся капиталом, а рабочая сила – товаром. При социализме все не так – средства производства становятся общественной стоимостью и принадлежат работникам. Но тогда как оценивать труд, сырье, машины, здания, землю, природные ресурсы? Каждый из этих вопросов вызывал трудности и требовал ответа.

По-видимому, наибольшее согласие советских ученых наблюдалось в отношении интерпретации сущности заработной платы. В отличие от капитализма, где эта категория долгое время выступала как цена ра-

бочей силы⁴, «заработная плата при социализме есть выраженная в денежной форме доля работника в той части общественного продукта, которая выплачивается государством рабочим и служащим в соответствии с количеством и качеством труда каждого работника» [48, с. 328]. Отсюда политэкономы социализма выводили значение закона распределения по труду. Этот закон регулировал, однако, индивидуальную заработную плату. Кроме этого, «индивидуальная заработная плата дополняется крупными фондами, отпускаемыми государством и общественными организациями на социально-культурные нужды трудящихся за счет продукта, созданного трудом для общества» [48, с. 328]. В отношении данных фондов (общественных фондов потребления, которые Маркс упоминал еще в «Критике Готской программы») действовали уже другие принципы распределения, близкие к эгалитарным.

На самом деле определение зарплаты через долю в общественном продукте влекло за собой ряд других вопросов. Во-первых, необходимо было как-то обеспечивать процесс накопления. Во-вторых, политэкономы социализма придерживались того мнения, что «стоимость» создается только в сфере материального производства, в то время как в нематериальной сфере, куда относилась вся сфера услуг, «стоимость» не создается. Стоимость является историческим понятием, которое необходимо переосмысливать в связи с меняющимися условиями. В основе стоимости лежат затраты труда, но при капитализме эти затраты должны не только создавать стоимость, но и приносить прибыль (превращенную форму прибавочной стоимости); в этом отношении труд в сфере услуг также рассматривается капиталистами как «производительный». Но при социализме понятие производительного труда «очищается» от критерия прибыльности.

Так, труд в сфере услуг, как и в сфере государственного управления, является общественно-полезным, но «стоимости» не создает. Образование, здравоохранение, наука, управление – неприбыльные сферы в отличие от промышленности и сельско-

⁴ В настоящее время большое количество экономистов полагает, что это не «цена труда», а доход от «человеческого капитала». При этом вместо двухфакторной функции Кобба – Дугласа, где выделяется вклад труда и вклад капитала, используется однофакторная функция, где ВВП выступает результатом использования только одного капитала.

го хозяйства⁵. Это соображение оспаривалось, но к 1970-м гг. в политэкономии социализма стали выделять необходимый и прибавочный продукты, образующие совокупный общественный продукт [49, с. 335–347]. Оплата работников нематериальной сферы, таким образом, представляла собой долю в прибавочном продукте. Тем не менее дискуссии о составе и, соответственно, доле необходимого и прибавочного продуктов в совокупном продукте продолжались вплоть до конца 1980-х гг.

При ретроспективном взгляде на эту странную конструкцию едва ли не большее внимание привлекает вопрос не о необходимом продукте, вокруг которого шло большинство дискуссий, а именно о прибавочном продукте. Доля накопления и споры о темпах и пропорциях были главной темой дискуссий для советских плановиков начиная еще с 1920-х гг. Но анализ этих острых и интересных дискуссий выходит далеко за пределы темы данной работы.

После маргиналистской революции в конце XIX в. стало привычным утверждать, что ценность того или иного блага определяется его предельной полезностью. Последняя, выражаемая в деньгах, представляет собой цену товара. Но технические агрегаты – машины – выглядят бесполезными для конечного потребителя. Тогда чем определяется их ценность (стоимость)⁶ и, соответственно, цена? Очевидно, их способностью увеличивать объем производства конечных благ. Отсюда известный тезис о том, что цена «средств производства» определяется их «предельной производительностью». Если вернуться, в частности, к машинам (техническим агрегатам), то их ценность будет связана, с одной стороны, затратами на их производство, с другой – ожидаемой доходностью применения. Эти подходы к определению цен не совпадают, что может при-

водить к кризисам; капитал то переоценивается, то недооценивается.

Для марксистов подход со стороны полезности (а заодно и предельной производительности) был идеологически неприемлем – исчезало понятие прибавочной стоимости, а вместе с ним и эксплуатации, которые лежали в основе аргументации необходимости социальной революции. Стоимость средств производства определялась издержками на их изготовление; и в конечном счете «общественно необходимыми затратами труда». Это привело к ряду проблем, часть из которых сказывается на экономике современной, «капиталистической», России до сих пор. Ниже приводится их характеристика, конечно же, неполная и схематическая. Тем не менее это иллюстрация именно *когнитивных ограничений, выступавших как коллективная структура* познавательного процесса в политэкономии социализма. Ничего «антисоветского» и даже «антикоммунистического» в разных подходах к оценке стоимости средств производства, как мы намерены показать ниже, не было.

4. Экономические оценки при социализме. Запасы и потоки. Амортизация

Советские политэкономы не различали запасы и потоки, что было связано с некритическим восприятием марксовых схем воспроизводства. В них весь объем основного капитала изнашивался в течение года, так что все машины требовали замены. Отсюда амортизация, с одной стороны, трактовалась просто как «денежное выражение износа» основного капитала, с другой стороны, интерпретация этого понятия была связана с «переносом стоимости средств труда (машин, оборудования, зданий, сооружений) на предмет труда (сырье, полуфабрикаты)». Заметим, что для XIX в. идея Маркса о том, что стоимость может «переноситься» от машин на товары, ничем не уступала идее Бем-Баверка о том, что полезность (и, соответственно, ценность) товаров может «вменяться» капитальным благам. Но для второй половины XX в., с появлением и развитием динамического анализа, такой подход выглядел анахронизмом.

У политэкономов в СССР, многие из которых были знакомы с финансами и практикой бухгалтерского учета, существовало своеобразное слепое пятно. В балансе советского предприятия (форме 1) отражались показатели на конкретную дату – запасы: стои-

⁵ Следует отметить, что транспорт, связь, торговлю советские теоретики рассматривали как «продолжение производства в сфере обращения», к этим сферам применялись и хозрасчет, и требование прибыли. Труд занятых в этих сферах был «производительным».

⁶ Мы используем категорию «ценность» для характеристики взглядов сторонников теории предельной полезности, «стоимость» – для сторонников трудовой теории стоимости. Во многом, конечно, это результат случайных разночтений в переводе (*value*), но традиция, сложившаяся в СССР, использовала именно «стоимость».

мость основных и оборотных средств, краткосрочная и долгосрочная задолженность, собственные фонды. В отчете о хозяйственной деятельности – «счете прибылей и убытков» (форме 2)⁷ отражались показатели периода – выручка, себестоимость, стоимость незавершенного производства, штрафы, проценты и т. д. Это знание, однако, не переносилось из практики в теорию. Говоря современным языком, политэкономия социализма использовала *модель экономической статики*, равновесия. В рамках такого подхода вышеприведенное понимание амортизации было вполне корректным.

Конечно, советские политэкономы различали валовые и чистые инвестиции (накопления), писали о важности использования амортизационных отчислений не только для ремонта и обслуживания основных фондов, но и для их модернизации и реновации. Была уже известна западная практика «ускоренной модернизации», а в СССР широко обсуждалась проблема «морального износа». Тем не менее мысль о том, что *амортизация вообще не связана с износом*, остается для многих теоретиков слишком радикальной и в наше время. Хотя понимание амортизации как процесса создания инвестиционных фондов, которые могут быть направлены не только на замену основного капитала данной фирмы, но и вложены в уставный капитал другой фирмы в другой отрасли или даже «проедены» (так называемое обдирание активов), хорошо известны современным экономистам, работающим в области финансов и управленческого учета.

Стоимость того или иного станка, здания, инженерных коммуникаций определялась просто: это была первоначальная стоимость за вычетом «амортизации». На практике это приводило к тому, что «старые изношенные» фонды обеспечивали более высокую фондоотдачу, чем новые. То обстоятельство, что при расчете этого важнейшего показателя в числителе стоял «поток» (товарная продукция), а в знаменателе – «запас» (среднегодовая стоимость основных фондов), не принималось во внимание. Основной

«стоимостной» показатель эффективности⁸ использования новой техники, по сути, тормозил ее внедрение⁹.

Естественно, что «затратный подход» к определению стоимости новой техники критиковался и инженерами, и экономистами. Предлагались – и вводились в практику ценообразования – различные поправочные коэффициенты. Однако они не меняли сам принцип оценки. В результате уже в 1980-е гг. среди экономистов возникло два противоположных мнения, которые можно встретить и в наше время. В первом варианте с помощью коэффициентов амортизации обосновывалась высокая степень изношенности фондов. Это интерпретировалось как преддверие наступающих техногенных катастроф и неизбежного снижения объемов производства. Поэтому требовалось увеличивать норму накопления [50, 51]. Негативной стороной такого увеличения было бы снижение уровня текущего потребления. Во втором варианте говорилось о необходимости сокращения основных фондов, так как в СССР сложилось «производство ради производства», и нет смысла в инвестициях, которые не приносят конечного эффекта [52–54]. Это сокращение, в свою очередь, грозило появлением безработицы и опять-таки снижением уровня потребления масс трудящихся. Собственно, второй вариант и реализовался в 1990-е гг.

Проблема, однако, была в том, что при отсутствии «рынка средств производства» сказать *вообще* что-либо о стоимости основных фондов СССР было затруднительно. Попытки произвести переоценку и/или инвентаризацию фондов предпринимались на уровне отдельных министерств, однако они не приносили значимых результатов. И если принять во внимание тезис о том, что в нестационарной экономике амортизация

⁸ Размерность показателя фондоотдачи – руб. продукции / руб. основных производственных фондов.

⁹ Современные подходы рекомендуют сопоставлять поток с потоком. Поэтому в знаменателе учитываются эксплуатационные расходы, связанные с новой техникой (включая прирост зарплаты), но не стоимость новой машины. Кроме того, рекомендуется избегать двойного счета: амортизация не является затратами, они уже были понесены в ходе приобретения новой техники (первоначальные инвестиции). Таким образом, сумма прибыли и амортизации представляет собой чистый денежный поток, ожидаемый от эксплуатации новой техники; при расчете фондоотдачи именно эта сумма и должна фигурировать в числителе.

⁷ Формы 1 и 2 применяются в бухгалтерском учете и сейчас. Естественно, в них поменялась (добавилась) часть статей, но само разграничение запасов и потоков является неизменным.

не связана с износом, по-другому и не могло быть. Не будет большим преувеличением утверждение, что советские теоретики ничего не могли ответить на вопрос практиков как о том, *сколько действительно стоит тот или иной завод*, так и о том, нужно ли увеличивать норму накопления или ее снижать¹⁰. И догматическое утверждение о том, что «производство средств производства для производства средств производства должно увеличиваться быстрее, чем производство средств производства для производства предметов потребления», здесь ничем не могло помочь.

5. Экономические оценки при социализме.

Стоимость жилья и активов городского хозяйства

Еще более трудным был вопрос о стоимости жилья и городском хозяйстве в целом. Является ли жилье средством производства и/или только предметом потребления? Эта проблема в политэкономии социализма публично не обсуждалась вообще. Если жилой фонд вместе с внутридомовыми и внутриквартальными коммуникациями являлся бы «средством производства», то в этой логике можно было дойти и до того, что в СССР внезапно появился бы слой частных собственников – владельцев средств производства¹¹. Но если жилье не средства производства, тогда и строительство жилья нельзя рассматривать как инвестиции?

Вообще говоря, подход, при котором жилищное строительство исключалось бы из инвестиционного процесса, резко снижает норму накопления. Однако на практике строительство жилья, детских садов,

магазинов, аптек, сберкасс и почтовых отделений осуществлялось в рамках строительства новых заводов. Впоследствии содержание жилых и гражданских зданий осуществлялось за счет «прибыли»¹² советских предприятий и объединений. Последние вполне справедливо называли градообразующими.

Жилье, таким образом, находилось «на балансе предприятий». Нельзя сказать, что оно «ничего не стоило» – согласно нормам амортизации по различным типам зданий рассчитывался износ, таким образом, первоначальная стоимость, по которой этот актив ставился на баланс, постепенно уменьшалась.

Естественно, что квартирная плата, которая поступала заводу от квартиросъемщиков, не включала в себя затрат на капитальный ремонт и полное восстановление. Квартиросъемщики по определению не являются собственниками жилья, поэтому о сохранности актива должны были заботиться другие акторы социалистического воспроизводственного процесса. Поэтому по мере ветшания жилого фонда и особенно инженерных сетей содержание непроизводственных фондов становилось для директоров заводов едва ли не большей головной болью, чем выполнение планов производства¹³. Однако, повторимся, практически вся эта огромная и важнейшая сфера хозяйства полностью выпадала из внимания не только политэкономов социализма, но и их основных теоретических оппонентов – экономистов-математиков.

В заключение этой темы отметим еще три момента. Во-первых, жилье, которое при социализме было выведено из сферы товарного обращения и стало объектом административного распределения, нельзя было купить и/или продать. Но можно было поменять. Обмен, однако, требовал согласия представителей

¹⁰ Те же затруднения возникли бы при попытке определить себестоимость производства боевого самолета и танка на том или ином советском заводе.

¹¹ Характерно, что в 1920-е гг., во время нэпа, работники платили так называемый квартирный налог. Он считался местным налогом и взимался в пределах соответствующих «городских поселений». Однако многоквартирные дома уже тогда были в государственной собственности. В 1930 г. он был заменен подоходным налогом. Применительно к зарплате, которую интерпретировали как «долю работника в совокупном общественном продукте», эта категория не имела экономического смысла. Впрочем, противоречия между теорией и практикой всегда мало занимали теоретиков, будь то тогда или сейчас; будь то в России или на Западе. Подоходный налог был удобным с точки зрения наполнения местных бюджетов, дискуссий по поводу его отмены в СССР не было.

¹² Указанная прибыль была весьма условным понятием. Собственное жилье, например, имели подразделения Академии наук СССР, отраслевые НИИ (особенно следует выделить городки Министерства среднего машиностроения), Министерство обороны. Средства на их содержание выделялись профильными министерствами. Проблема, однако, заключалась в том, что эти средства зачастую не были обеспечены фондами.

¹³ Отметим, что при передаче жилого фонда муниципалитетам, который начался вместе с процессом приватизации предприятий в 1990-е гг., по закону заводы должны были предварительно отремонтировать сети, крыши и фасады домов, провести все восстановительные работы. Естественно, это было невозможно сделать – у предприятий просто не было на это средств. Более того, и «зарезервировать» их было невозможно.

балансодержателя, что в некоторых случаях было формальностью, а в других могло привести к конфликтам, в которых свое конституционное право на жилище гражданину СССР было реализовать совсем не просто. Институт прописки в этой сфере во многом служил суррогатом института частной собственности на жилье. Во-вторых, строительство кооперативного жилья, как и сохранение частного индивидуального жилого фонда, фактически означало сохранение и расширение слоя номинальных «частных собственников». Наконец, в-третьих, ликвидация убыточных предприятий, на балансе которых находился жилой фонд, по сути, означала бы и ликвидацию поселков и кварталов, зависящих от этого предприятия, что в условиях общественной собственности означало не только большие социальные, но и *политические* проблемы. Вообще, ликвидация предприятия вместе с рабочими местами и полный упадок какого-либо промышленного района – явление, которое экономисты приписывали капитализму. В условиях социализма такое решение фактически означало, что интересы работников отдельного завода противоречили интересам всех остальных граждан счастливого социалистического общества. Но тогда почему бы не допустить, что *интересы всех трудовых коллективов при социализме* находятся в противоречиях между собой? Можно только предполагать, что эти три обстоятельства сильно способствовали полному выпадению жилищного вопроса из поля зрения советских экономистов-теоретиков.

6. Экономические оценки при социализме.

Рента

Напротив, земельная рента обсуждалась в СССР довольно долго и достаточно широко. И если в 1920-х гг. доминировало мнение о том, что при социализме отсутствует как абсолютная, так и дифференциальная рента, то к 1970-м гг. вокруг существования дифференциальной ренты сельскохозяйственных земель сложился консенсус – большинство политэкономов признали ее право на существование при социализме [48, с. 455–479]. Более того, в 1977 г. выходит Постановление Совета Министров СССР (10.06.1977 № 501) «О порядке ведения государственного земельного кадастра». Естественно, как и в любом кадастровом учете, здесь признаются различия в качестве почв, что обуславливает и различную

урожайность. Однако признание разницы в бонитете почв (точно так же, как и разница в бонитете лесов, Постановление Совмина о ведении Лесного кадастра было принято в 1982 г.) должно было получить *стоимостную оценку*. В условиях отсутствия рыночного оборота земель это становилось сложной задачей (собственно, такая же проблема существовала в отношении основных производственных фондов в промышленности, в связи с чем там была введена весьма изощренная система рентных платежей). В результате в СССР действовала система зональных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, которая дополнялась системой взимания «подходного налога» (он становился прогрессивным в случае превышения рентабельности в 25 %; прогрессия была от 0,1 до 0,5 %). Тем не менее историки социалистической мысли указывают:

«Некоторыми экономистами предлагается дальнейшая дифференциация закупочных цен внутри зон. Однако, сколько бы широкой ни была эта дифференциация, она не может дойти до отдельного сельскохозяйственного предприятия. В противном случае закупочная цена превратилась бы в простую расчетную цену, т. е. лишилась бы своего содержания.

Имея в виду несовершенство действующей системы изъятий дифференциальной земельной ренты, А. Д. Кузнецов, В. П. Шкредов предложили заменить ее системой прямых фиксированных рентных платежей. Другие экономисты рассматривают систему рентных платежей не как замену действующей системы изъятия дифференциальной ренты, а как ее дополнение» [49, с. 466–467].

Таким образом, советские экономисты-теоретики обнаруживали глубокое понимание условий хозяйствования как промышленных, так и сельскохозяйственных предприятий. Ренту находили везде: и в машиностроении, и в добывающей промышленности, и в сельском хозяйстве – разрабатывали достаточно тонкие инструменты ее изъятия, добиваясь того, чтобы поставить советские предприятия в равные условия хозяйствования. Но это-то и удивительно – советские экономисты-теоретики хорошо понимали различие между «дифференциальной рентой 1-го рода» и «дифференциальной рентой 2-го рода», но на практике изымали через закупочные цены и то, и другое. Более того, и предложения Кузнецова и Шкредова, и введение земельного кадастра последовали уже после начала большой программы мелиоративных

работ, включая орошение и землеустройство. Но ведь «дифференциальная рента 2-го рода» – доход, который возникает в результате инноваций!

В немарксистской экономической мысли принято рассматривать патенты и лицензии как источник монопольной ренты. Дискуссии о том, ускоряют ли патенты экономический рост или тормозят, продолжаются. Однако среди современных экономистов в целом сохраняется консенсус о том, что изобретателей сильно стимулирует надежда на ренту, приносимую изобретениями и инновациями, к этому дополнительному доходу стремятся и все корпорации. О необходимости внедрения достижений научно-технического прогресса в СССР говорили все, в 1970-х гг. это стало общим местом. После реформ 1965 г. также стали говорить и о хозрасчете, и о прибыли. Но изъятие ренты через систему рентных платежей в промышленности и через зональные закупочные цены в сельском хозяйстве, по сути, обесценивало эти стимулы. При этом речь идет не об обычной уравниловке на уровне индивидуальных работников (хотя это тоже было), но о всех социалистических предприятиях и организациях. Такое понимание эгалитарности сейчас не может не удивлять. Внедрение новой техники и новых технологий сопровождается структурными сдвигами, во время которых, как правило, снижается выпуск продукции, а стало быть, временно снижается и фонд оплаты труда предприятий и организаций. Но в итоге предприятие, осуществившее инновации, оказывалось в тех же финансовых условиях, что и предприятие с устаревшей техникой и отсталыми технологическими процессами.

Заключение:

роль идеологии, когнитивных структур и «авторитетного дискурса»

Ситуация, которая сложилась вокруг обсуждения наследия К. Маркса в СССР в 1970-е гг., показывает, что доминирующее у историков мысли представление об «устаревшей теории», тормозившей экономическое развитие и социалистическое строительство, является крайне упрощенным. Более того, одна из центральных идей Маркса о свободе и зависимости являлась крайне неудобной для публичного обсуждения. Связывать крах СССР с тем, что там сформировался авторитетный «марксистско-ленинский» дискурс, в рамках которого в публичном пространстве все должны были

воспроизводить одни и те же замшелые формулы, как это делает в своей нашумевшей работе А. Юрчак [55], отвечает современным запросам «либеральной общественности», но в целом неверно. Представления об амортизации как денежном выражении износа, о ренте как «незаслуженном» преимуществе, и/или о жилье как предмете потребления никак не были связаны с ревизией представления о социализме как строе, где нет эксплуатации, а средства производства принадлежат трудящимся. Более того, на практике зачастую министерства изымали часть амортизации в централизованные фонды, что прямо противоречило теоретическим представлениям о том, что это часть затрат предприятия, подлежащая обязательному возмещению, а в теории деление совокупного продукта на необходимый и прибавочный подозрительно напоминало об антагонистических интересах между получателями этих продуктов при капитализме. Все это не смущало советских политэкономов.

На дискуссии вокруг ренты, как и на статистический анализ воспроизводства в целом, влияла, прежде всего, догматически усвоенная марксистская традиция, а не боязнь политических репрессий. Эта традиция накладывала именно когнитивные, а не идеологические ограничения. Последние были намного более важны, чем якобы имевшая место реставрация «ползучего сталинизма» после событий в Чехословакии в 1968 г.

Препятствия со стороны идеологического контроля заключались в другом: политэкономы должны были работать в рамках только марксистской школы. Альтернативные варианты экономической теории требовали другого «языка», который в СССР сложился в рамках экономико-математических методов. Экономисты – математики и политэкономы редко дискутировали друг с другом. И это приводит к другой структуре «поля символической власти», которое рассматривал П. Бурдьё [56]. Для политэкономов принципиальными были упреки в «отходе от марксизма», это было равносильно тому, что их объявляли некомпетентными. Эта ситуация отличается от западного мейнстрима, где границы между кейнсианцами, неолибералами и институционалистами, включая марксистов, являются довольно размытыми. Естественно, что и западные, и современные российские экономисты боятся упреков в незнании и/или неверной интерпретации «классиков», включенных в си-

нодик лауреатов премии шведского государственного банка никак не меньше, а то и гораздо больше, чем советские политэкономы. Но структура полей советской политэкономии и нынешнего мейнстрима – разная.

Наконец, следует отметить, что сам распад СССР и уход политэкономии социализма в раздел истории мысли был ничем иным, как *дискурсивной победой марксизма*. Ведь именно в рамках закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил было заявлено, что, раз социализм тормозит развитие эко-

номики, необходимо вернуться к торжеству частной собственности и провести приватизацию. Что и было сделано, в то время как отечественная экономико-математическая школа, по существу, использовала (и использует) одни и те же модели для описания как советской, так и постсоветской экономики. Приватизация в таком случае выглядит как переход от «мягкого» к «жесткому» бюджетному ограничению, но характеристика идейной эволюции российских экономистов-математиков выходит далеко за пределы темы данной работы.

Список литературы

1. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Международные отношения, факультет свободных наук и искусств СПбГУ, 2015. 288 с.
2. Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Международные отношения, факультет свободных наук и искусств СПбГУ, 2015. 311 с.
3. Ореховский П. А. От перманентной революции к институциональному дизайну: эволюция авторитетного дискурса российских экономистов // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 157–169. DOI: 10.31857/S086904990005104-6
4. Ореховский П. А. Структуры когнитивности и российские реформы: научный доклад (препринт). М.: ИЭ РАН, 2019. 47 с.
5. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ВШЭ, 2015. 382 с.
6. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.
7. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.
8. Нуреев Р. М. Очерки по истории марксизма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса). М.: КНОРУС, 2018. 300 с.
9. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во Академии наук, 1960. 284 с.
10. Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» Карла Маркса. М.: Мысль, 1967. 592 с.
11. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1968. 295 с.
12. История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа / отв. ред. М. М. Розенталь. М.: Мысль, 1971. 536 с.
13. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1976. 312 с.
14. Выгодский В. С. К истории создания «Капитала». М.: Мысль, 1970. 294 с.
15. Выгодский В. С. Экономическое обоснование теории научного коммунизма. М.: Политиздат, 1975. 303 с.
16. Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М.: Изд-во МГУ, 1973. 262 с.
17. Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). М.: Мысль, 1976. 325 с.
18. Коган А. М. В творческой лаборатории Карла Маркса. М.: Мысль, 1983. 174 с.
19. Смирнов И. К. Метод исследования экономического движения капитализма в «Капитале» К. Маркса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 151 с.
20. Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи Маркса 1857–1859 годов). М.: Политиздат, 1987. 462 с.
21. Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 320–538.
22. Черковец В. Н. Предмет политической экономии. М.: Советская наука, 1959. 65 с.
23. Черковец В. Н. О методологических принципах политической экономии как научной системы. М.: Изд-во МГУ, 1965. 261 с.
24. Черковец В. Н. Плановность социалистического производства. М.: Экономика, 1965. 212 с.
25. Черковец В. Н. Два подразделения общественного производства. М.: Мысль, 1971. 341 с.
26. Черковец В. Н. Отношения производства и воспроизводства. М.: Изд-во МГУ, 1982. 294 с.
27. Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М.: Экономика, 1982. 295 с.
28. Всемирная история экономической мысли. В 6 т. М.: Мысль, 1987–1997.

29. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1952, 652 с.
30. Некоторые вопросы исторического материализма (Сборник статей) / отв. ред. В. С. Сутягин. Ростов н/Д, 1962. 152 с.
31. Румянцев А. М. О предмете политической экономии. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 206 с.
32. Чагин Б. А., Харчев А. Г. О категориях «производительные силы» и «производственные отношения» // Вопросы философии, 1958. № 2. С. 9–20.
33. Черковец В. Н. К вопросу о марксистском понятии производительных сил // Вестн. Моск. ун-та. Сер.: Экономика, философия, право. 1958. № 2.
34. Черковец В. Н. Производство абсолютной прибавочной стоимости (Коммент. к III отд. первого т. «Капитала» К. Маркса). М.: Высшая школа, 1961. 76 с.
35. Ковальзон М. Я. Социально-философский смысл понятия «производительные силы» // Вопросы философии. 1981. № 4.
36. Марахов В. Г. Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М.: Мысль, 1970. 284 с.
37. Марахов В. Г. Диалектика производительных сил и производственных отношений // Вопросы философии. 1981. № 4.
38. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное / отв. ред. Ю. К. Плетников и др. М.: Наука, 1981. 463 с.
39. Плетников Ю. К. О соотношении предмета труда и производительных сил. Проблема источников развития производительных сил // Вопросы философии. 1981. № 4.
40. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46, ч. I. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. 560 с.
41. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 т. Т. 2. М.: Полит. литература, 1984–1988.
42. Нуреев Р. М. Экономический строй докапиталистических формаций (диалектика производительных сил и производственных отношений). Душанбе: Дониш, 1989. 244 с.
43. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. 900 с.
44. Батищев Г. С. Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. 430 с.
45. Багатурия Г. А. Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1981. № 9.
46. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 462 с.
47. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 25, ч. I. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. 542 с.
48. Политическая экономия: учебник / под ред. К. В. Островитянова, Д. Т. Шепилова, Л. А. Леонтьева и др. М.: Госполитиздат, 1954. 455 с.
49. История политической экономии социализма / под ред. Д. К. Трифонова и Л. Д. Широкограда. Л.: ЛГУ, 1983. 606 с.
50. Аганбегян А. Г. Советская экономика – взгляд в будущее. М.: Экономика, 1988. 254 с.
51. Альтернативные оценки развития российской экономики: методы и результаты / под общ. ред. Г. И. Ханина. Новосибирск: Сибирская академия государственной службы, 2011. 194 с.
52. Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов. М.: Политиздат, 1991. 430 с.
53. Шмелев Н. П. Авансы и долги: Вчера и завтра российских экономических реформ. М.: Международные отношения, 1996. 350 с.
54. Лацис О. Р. Выйти из квадрата: Заметки экономиста. М.: Прогресс, 1989. 342 с.
55. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.
56. Бурдые П. Homo academicus. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 461 с.

References

1. McCloskey D. *The Rhetoric of Economics*, Moscow, Saint Petersburg, Gaidar Institute Publishing House, International Relations, Faculty of Liberal Sciences and Arts, St. Petersburg State University, 2015, 288 p. (in Russ.).
2. Klammer A. *Strange economics: invitation to a conversation*, Moscow, Saint Petersburg, Gaidar Institute Publishing House, International Relations, Faculty of Liberal Sciences and Arts, St. Petersburg State University, 2015, 311 p. (in Russ.).
3. Orekhovsky P. A. From permanent revolution to institutional design: the evolution of authoritarian discourse of Russian economists, *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, No. 3, 2019, pp. 157–169 (in Russ.). DOI: 10.31857/S086904990005104-6
4. Orekhovsky P. A. *Cognitive structures and Russian reforms*, scientific report (preprint), Moscow, IE RAN, 2019, 47 p. (in Russ.).
5. Reinert E. *How rich countries got rich and why poor countries stay poor*, Moscow, ID VSE, 2015, 382 p. (in Russ.).
6. Kolosovsky N. N. *Bases of economic zoning*, Moscow, Gospolitizdat, 1958, 200 p. (in Russ.).
7. Glazyev S. Yu. *Theory of long-term technical-economic development*, Moscow, Vldar, 1993, 310 p. (in Russ.).

8. Nureev R. M. *Sketches on the history of Marxism (to the 200th anniversary of Karl Marx*, Moscow, KNORUS, 2018, 300 p. (in Russ.).
9. Ilyenkov E. V. *Dialectics of the abstract and the concrete in "The Capital" by K. Marx*, Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences, 1960, 284 p. (in Russ.).
10. Rosenthal M. M. *Dialectics of "The Capital" by K. Marx*, Moscow, Misl, 1967, 592 p. (in Russ.).
11. Vazyulin V. A. *Logic of "The Capital" by K. Marx*, Moscow, Publishing house of Moscow State University, 1968, 295 p. (in Russ.).
12. *History of Marxist dialectics, from emergence of Marxism to Lenin's stage*, ed. M. M. Rosenthal, Moscow, Misl, 1971, 536 p. (in Russ.).
13. Kuzmin V. P. *Principle of systematicity in theory and methodology of K. Marx*, Moscow, Politizdat, 1976, 312 p. (in Russ.).
14. Vygodsky V. S. *On the history of creating "The Capital"*, Moscow, Misl, 1970, 294 p. (in Russ.).
15. Vygodsky V. S. *Economic substantiation of the theory of scientific communism*, Moscow, Politizdat, 1975, 303 p. (in Russ.).
16. Shkredov V. P. *Method of researching property in "The Capital" by K. Marx*, Moscow, Moscow State University Publishing House, 1973, 262 p. (in Russ.).
17. Bagaturia G. A., Vygodsky V. S. *Economic heritage of Karl Marx (history, content, methodology)*, Moscow: Mysl, 1976, 325 p. (in Russ.).
18. Kogan A. M. *In the creativity laboratory of Karl Marx*, Moscow, Mysl, 1983, 174 p. (in Russ.).
19. Smirnov I. K. *Method of researching the economic movement of capitalism in "The Capital" by K. Marx*, Leningrad, Publishing house of Leningrad State University, 1984, 151 p. (in Russ.).
20. *The original variant of "The Capital" (K. Marx's economic manuscripts of 1857–1859)*, Moscow, Politizdat, 1987, 462 p. (in Russ.).
21. *Global history of economic thought*, In 6 vol., Vol. 2, Moscow, 1988, pp. 320–538 (in Russ.).
22. Cherkovets V. N. *Object of political economy*, Moscow, Sovetskaya Nauka, 1959, 65 p. (in Russ.).
23. Cherkovets V. N. *On methodological principles of political economy as a scientific system*, Moscow, Moscow State University Publishing House, 1965, 261 p. (in Russ.).
24. Cherkovets V. N. *Planned character of socialist production*, Moscow, Economics, 1965, 212 p. (in Russ.).
25. Cherkovets V. N. *Two divisions of public production*, Moscow, Mysl, 1971, 341 p. (in Russ.).
26. Cherkovets V. N. *Relations of production and reproduction*. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1982, 294 p. (in Russ.).
27. Cherkovets V. N. *Socialism as an economic system*, Moscow, Economics, 1982, 295 p. (in Russ.).
28. *Global history of economic thought*, In 6 vol. Moscow, Mysl, 1987–1997. (in Russ.).
29. Stalin I. V. *Issues of Leninism*, 2 ed., Moscow, Gospolitizdat, 1952, 652 p. (in Russ.).
30. *Issues of historical materialism (Collection of articles)*, ed.-in-chief V. S. Sutyagin, Rostov-on-Don, 1962, 152 p. (in Russ.).
31. Rumyantsev A. M. *On the object of political economy*, Moscow, Publishing house of VPSH and AON, 1960, 206 p. (in Russ.).
32. Chagin B. A., Kharchev A. G. On "productive forces" and "production relations" categories, *Voprosy Filosofii*, 1958, No. 2, pp. 9–20 (in Russ.).
33. Cherkovets V. N. On the issue of Marxist notion of productive forces, *Vestn. Moscow un-ta. Ser. "Economics, Philosophy, Law"*, 1958, No. 2. (in Russ.).
34. Cherkovets V. N. *Production of absolute surplus value (Commentary to section III of volume I of "The Capital" by K. Marx)*, Moscow, Vyshayua Shkola, 1961, 76 p. (in Russ.).
35. Kovalzon M. Ya. Social-philosophic meaning of the "productive forces" notion, *Voprosy Filosofii*, 1981, No. 4 (in Russ.).
36. Marakhov V. G. *Structure and development of dialectics of productive forces in a Socialist society*, Moscow, Mysl, 1970, 284 p. (in Russ.).
37. Marakhov V. G. *Dialectics of productive forces and production relations*, *Voprosy Filosofii*, 1981, No. 4 (in Russ.).
38. *Marx-Lenin theory of historical process. Historical process: reality, material basis, the primary and the secondary*, ed.-in-chief Yu. K. Pletnikov et al., Moscow, Nauka, 1981, 463 p. (in Russ.).
39. Pletnikov Yu. K. On correlation between an object of labor and productive forces. The problem of sources of productive forces development, *Voprosy Filosofii*, 1981, No. 4 (in Russ.).
40. Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed., Vol. 46, part I. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1968, 560 p. (in Russ.).
41. Marx K., Engels F. *Selected works*, In 9 vol., Vol. 2, Moscow, Polit. literatura, 1984–1988 (in Russ.).
42. Nureev R. M. *Economic system of pre-capitalist formations (dialectics of productive forces and production relations)*, Dushanbe, Donish, 1989, 244 p. (in Russ.).
43. Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed., Vol. 23, Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1968, 900 p. (in Russ.).

44. Batishchev G. S. *Problem of a man in the modern philosophy*, Moscow, Nauka, 1969, 430 p. (in Russ.).
45. Bagaturia G. A. "Productive forces" category in the theoretical heritage of Marx and Engels, *Voprosy Filosofii*, 1981, No. 9 (in Russ.).
46. Ilyenkov E. V. *Philosophy and culture*, Moscow, Politizdat, 1991, 462 p. (in Russ.).
47. Marx K., Engels F. *Works*, 2nd ed., Vol. 25, part I, Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1961, 542 p. (in Russ.).
48. *Political economy*, tutorial, eds. K. V. Ostrovityanov, D. T. Shepilov, L. A. Leontiev, I. D. Laptev, I. I. Kuzminov, L. M. Gatovsky, Moscow: Gospolitizdat, 1954, 455 p. (in Russ.).
49. *History of political economy of socialism*, eds. D. K. Trifonov, L. D. Shirokorad, Leningrad, Leningrad State University, 1983, 606 p. (in Russ.).
50. Aganbegyan A. G. *Soviet economy – a glance to the future*, Moscow, Economics, 1988, 254 p. (in Russ.).
51. *Alternative estimations of the Russian economy development methods and results*, ed. G. I. Khanin, Novosibirsk, Siberian Academy of Public Administration, 2011, 194 p. (in Russ.).
52. Valovoy D. V. *Economics of absurd and paradoxes*, Moscow, Politizdat, 1991, 430 p. (in Russ.).
53. Shmelev N. P. *Advance money and credits: yesterday and tomorrow of the Russian economic reforms*, Moscow, International Relations, 1996, 350 p. (in Russ.).
54. Latsis O. R. *Get out of square: Notes of an economist*, Moscow, Progress, 1989, 342 p. (in Russ.).
55. Yurchak A. *It was forever, until it came to an end: the last Soviet generatio*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 661 p. (in Russ.).
56. Bourdieu P. *Homo Academicus*, Moscow, Publishing house of the Institute of Gaidar, 2017. 461 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 04.03.2021

Дата принятия в печать / Accepted 10.04.2021

Дата онлайн-размещения / Available online 25.06.2021

© Нуреев Р. М., Ореховский П. А., 2021

© Nureev R. M., Orekhovsky P. A., 2021

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования.

Contribution of the authors

Both authors made equal contributions to writing the paper at all stages of the research.